

— Судья Чжан, вычитайте из моего жалования сколько угодно. Для меня это не имеет значения. Как чиновник, ответственный за Цзиньлин, я всегда находился под давлением знати и никогда не выполнял свои обязанности! — Юй Бочэн поднял руку, и судья Чжан подумал, что тот собирается вытащить меч, и испуганно прикрыл голову.

Однако сквозь щель в своем одеянии он увидел, что Юй Бочэн держит в руке тушечницу, и услышал его слова:

— Это — доказательство вины Ли Юньдэ.

Судья Чжан взглянул и сразу заметил, что тушечница была высочайшего качества, сделана из камня с горы Фуке и украшена несколькими крупными жемчужинами. На ее боковой стороне были выгравированы три иероглифа: Ли, Юнь, Дэ.

Судья Чжан сразу вспотел, вспомнив давний случай: весной четвертого года правления под девизом Шофэн, император Тань Е случайно зашел в университет и, вдохновленный весной, сочинил стихотворение. Семнадцатый сын Ли Юньдэ, которому тогда было всего пятнадцать, поразил всех своим красноречием и мастерством, чем вызвал восхищение императора. Тот вручил юноше уникальную тушечницу, подаренную уйгурами.

Конечно, этот поступок вызвал много критики.

— Откуда это?

— Из храма Аньсинь. Монахи сегодня добровольно передали мне это. Утром девятнадцатого июля, в день смерти Фу Да, он принес это, чтобы заложить. По словам монахов, он был очень напуган и сказал, что нашел это в резиденции Ли, что попал в беду. На его лице были следы ожогов, и он сказал, что эта беда может стоить ему жизни. Он также упомянул, что видел мертвеца — поэтому он так спешил избавиться от этой вещи и не торговался. Однако монахи подумали, что он сошел с ума, решили, что он украл ее, и не стали расспрашивать о мертвеце.

Увидев, как побледнел судья Чжан, Юй Бочэн усмехнулся и продолжил:

— Я раньше имел дело с Фу Да. Он действительно не был жестоким человеком, как сказал Фу Эр. Я думаю, что в тот день в резиденции Ли произошло следующее: он проник туда, случайно увидел, как Ли Юньдэ совершает убийство, а орудием преступления была эта тушечница. Желая заполучить эту ценную вещь, Фу Да применил хитрость. Когда я осматривал его тело, на его руках были следы ожогов.

— Нелепость! Все это голословные утверждения. Я только сегодня видел, как семнадцатый сын вернулся в город. Как он мог быть в резиденции восемнадцатого? Ты не видел тело Юй Ин, как ты можешь так уверенно говорить? — Судья Чжан покачал головой. — На мой взгляд, Фу Да, крадя, столкнулся с этой служанкой, убил ее, чтобы замести следы, а затем вынес украденное, чтобы заложить. Дело закрыто, отправьте Фу Эра в ссылку. И скажи, монахи видели иероглифы на тушечнице?

— Конечно, видели. — Юй Бочэн знал, что хотел сказать судья Чжан. — В наше время монахи тоже должны выживать, поэтому они принимают вещи сомнительного происхождения.

— Сообщничество с ворами! Это позор для буддизма!

Юй Бочэн не стал отвечать на это, лишь глубоко посмотрел на судью Чжана с насмешкой в глазах:

— Судья Чжан, если храм Аньсинь добровольно передал эту вещь, значит, они не хотят вмешиваться в это дело. Если вы хотите бороться за справедливость, в следующий раз просто пожертвуйте меньше денег в храм, зачем так расстраиваться.

— Ты!

— Если вы не хотите этого делать, я сделаю это. Я одинок и не боюсь смерти. — Юй Бочэн усмехнулся, и его гнев вырвался наружу. В его глазах был свет, который судья Чжан никогда раньше не видел, свет, способный разогнать всю тьму мира. — Судья Чжан, я выясню, какую хитрость использовал Ли Юньдэ. Если бы он не был виновен, зачем сюда пришел Цзян Цэ? Семья Ли — это гниль. Я также знаю, что недавно они пытались убить моего друга, господина Цзюэяня. Кроме того, разве ты не знаешь, что, получая жалование от императора, мы должны служить ему, а не какой-то семье Ли или Цзян.

Сказав это, Юй Бочэн, не обращая внимания на бледное лицо судьи Чжана, положил тушечницу на стол и вышел.

Судья Чжан смотрел, как уходит Юй Бочэн. Он несколько раз хотел окликнуть этого молодого человека, но не мог произнести ни слова. Его кулаки под одеянием сжимались все крепче, а брови хмурились снова и снова. Двери суда были открыты, ночной ветер проникал внутрь, заставляя каждый стол и стул в зале издавать звуки, похожие на стоны. Они тяжело ударили в грудь судьи Чжана, и только спустя долгое время он смог издать старый вздох.

Ли Чжуннань и Сяо Чжоухэн вышли из суда, оба понимая, что, даже если они не знают, что именно произошло в резиденции Ли в ту ночь, слова Фу Эра указывают на то, что семнадцатый сын Ли Юньдэ как-то связан с этим делом. Поэтому они решили отправиться к Ли Юньдэ, чтобы выяснить всё.

Ли Чжуннань, как обычно, пошел первым.

Закат окрасил небо в красный цвет, пыль поднималась от колес экипажей. Смотря на спину Ли Чжуннаня, Сяо Чжоухэн почувствовал, как в его груди разрываются старые раны, а на его лице появилась тень.

Ли Чжуннань, кто ты на самом деле?

Ветви деревьев раскинулись, луна светила ярко. В кабинете Ли Юньи всё еще горел свет.

Куй Юй, зевая, несла поднос с едой по дорожке, освещенной лунным светом. Внезапно перед ней промелькнул человек. Она испугалась, но, увидев его лицо, успокоилась.

Цюй Елян улыбнулся:

— Я возьму.

Куй Юй покраснела, поблагодарила его и, передав поднос, быстро убежала.

Цюй Елян вошел в кабинет Ли Юньи. Не успел он сделать шаг, как услышал голос:

— Я же сказал тебе, подожди меня в комнате. Сегодня вечером я приду к тебе.

— Мухан, даже если ты занят, береги себя. — Цюй Елян, услышав, что это слова, адресованные другому, слегка разозлился и закрыл дверь.

Ли Юньи поднял голову, увидел Цюй Еяна, отложил кисть и улыбнулся:

— А, это ты, Вэйцзи.

Цюй Елян поставил суп для печени на стол, внимательно посмотрел на уставшее лицо Ли Юньи, и в его глазах появилась нежность. Небольшое раздражение, которое он чувствовал, полностью исчезло:

— Уже поздно, пора спать. Оставь всё на завтра.

— Завтра дел будет еще больше. — Ли Юньи взял чашку с супом, сделал глоток и взглянул на резную деревянную лошадь из желтого сандалового дерева, стоявшую на углу стола. Он вздохнул:

— Иногда я завидую четырнадцатому брату.

Четырнадцатый сын Ли Юньцзин, который следовал за Ли Яньцином, еще не достигнув совершеннолетия, пережил три месяца пожаров и тысячи миль войны. Теперь он уже известный молодой генерал.

— Воевать — это не лучшее занятие. — Цюй Елян, следуя взгляду Ли Юньи, узнал, что эту лошадь вырезал сам четырнадцатый сын. — Ты не создан для поля боя.

— Он следует за отцом, ему не нужно, как мне, лавировать между людьми. Я ему завидую. — Ли Юньи поставил чашку и снова вздохнул. — Характер отца слишком жесткий, он упрям и не понимает текущей ситуации. Его поездка на север была устроена Чжун Бугуем. Хотя сейчас он еще не может ничего сделать, если Чжун Бугуй привлечет на свою сторону Шумиянь, тигровый амулет* в конце концов окажется в его руках. Тогда моих сил будет недостаточно, чтобы исправить ситуацию. Сейчас уже поздно, в шести министерствах везде его люди. Если он однажды начнет действовать, это вызовет огромные потрясения.

— Я понимаю, ты готовишь почву, чтобы, если что-то случится, у семьи Ли был путь к отступлению. — Цюй Елян мельком взглянул на кабинет Ли Юньи, где чего-то не хватало. — Мухан, ты убрал ту фарфоровую вазу?

— Сегодня приходил Цюсюй, сказал, что она ему понравилась, и я подарил ее ему.

Цюй Елян понял: Цзян Цэ всегда был близок с Ли Юньи, а после того как они породнились, их отношения стали еще крепче:

— Но ведь это был подарок от императора. Ты действительно щедрый.

Ли Юньи посмотрел на Цюй Еяна и тихо сказал:

— Иногда я не такой.

Не дав Цюй Еяну ответить, Ли Юньи отвел взгляд и спросил:

— Выяснил, почему загорелась башня Вэньшань?

— Там остались какие-то соломенные остатки, вероятно, мусор, который попал в резиденцию. — Цюй Елян ответил. — Когда никто не заметил.

— Они действительно выбрали подходящий день. Теперь они больше не могут сдерживаться.

Мне интересно, кто это сделал. — Ли Юньи снова вздохнул. — Семнадцатый брат, когда вернулся, сказал, что у дяди тоже всё...

*Тигровый амулет — символ военной власти в Древнем Китае, обычно состоящий из двух половинок. Владелец одной из половинок мог отдавать приказы войскам.

*Примечание автора: Храм Аньсинь — это залоговый склад.

Ли Юньси, второе имя Пэйчжи, бывший десятый сын семьи Ли, ныне глава банка Таобай, известный как Фуле Сифу Ли Пэйчжи.

Цзян Цэ, второе имя Цюсюй, старший сын семьи Цзян, ныне судья в управе Цзяннин.

<http://bllate.org/book/16134/1444512>